

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ФУКИДИДЕ

Труд Фукидида продолжает возбуждать живейший интерес у исследователей. Несмотря на настойчивое и, казалось бы, всестороннее изучение его в науке XIX—XX вв., он остается еще во многом загадочным. Не говоря уже о сложной проблеме композиции произведения, методологические приемы автора, их значение в развитии античной и мировой историографии, связь Фукидида с современными ему направлениями научной мысли и художественного творчества, его историческая концепция и позиция в политической борьбе его времени представляются не вполне выясненными и побуждают к новым исследованиям. Притом следует заметить, что мы имеем в этом случае дело не с каким-нибудь фрагментарным сочинением без начала или без имени автора. Перед нами произведение обширное, отличающееся единством замысла, хотя и не вполне законченное. Затруднения в истолковании его лежат, так сказать, в нем самом, в существе его, а не в тех или иных внешних обстоятельствах. Задачей настоящего обзора является не изложение истории изучения Фукидида, но лишь характеристика некоторых недавних трудов, посвященных анализу его «Истории». Это позволит напомнить состояние проблемы и уяснить, в каких направлениях шла работа.

В зависимости от исторической обстановки, от общественно-политических взглядов данного исследователя, от его исторических теорий, литературных вкусов и пр. в произведении Фукидида усматривали тот или иной замысел автора, выдвигали различные моменты в ходе его мысли и в его историческом мировоззрении. Этот неодинаковый подход к историку древнего мира, различное истолкование его произведения очень ярко отразились и в исследованиях XX в. Нередко труд Фукидида рассматривался не только как величайшее достижение греческой историографии, но и как непревзойденный образец подлинно научного исторического исследования и для ученых нового времени. Эта мысль выражена, например, в словах Э. Мейера: «... есть и всегда будет только один тип истории и один метод исследования исторических проблем, совершенный и до сих пор никем не превзойденный образец которого дал афинянин Фукидид»¹.

Ни одного из античных историков так не сближали с современными исследователями в отношении метода и критического подхода к материалу, не ценили так за исключительное беспристрастие, за художественность изложения, за глубину его политического понимания и философских идей, не ставили так часто в пример позднейшим поколениям. Взгляд на Фукидида как на великого историка-рационалиста, предвосхитившего в большой мере критические приемы и историко-социологические теории XIX—XX вв., нашел ясное и полное выражение в работах русских исследователей конца XIX—начала XX в. — Ф. Г. Мищенко, В. П. Бузескула, М. М. Хвостова, Р. Ю. Виппера, С. А. Жебелева. М. М. Хвостов, например, указывал, что Фукидид предвосхитил некоторые приемы новейшей историографии, что он уже понимал значение ретроспективного метода (История Греции, 1924, стр. 200). Бузескул с его нелюбовью к «крайним» мнениям все же считает произведение Фукидида «источником достоверным настолько, насколько вообще может быть достоверно произведение человека» (Введение в историю Греции, стр. 108); он сближает автора «Истории Пелопоннесской войны» преимущественно с историко-критическим направлением, главным образом с Ранке и его школой (стр. 109); полагает, что его приемы в исторической критике мало чем отличаются от приемов современных исследователей.

Несмотря на все эти суждения, так ярко выявляющие значение Фукидида, русские исследователи все же не доходили до крайнего взгляда, высказанного Э. Мейером, и, с другой стороны, у них мы не находим таких выпадов против Фукидида, какие характеризуют труды представителей реакционной западноевропейской буржуазной исто-

¹ Э. Мейер, Теоретические и методологические вопросы истории. М., 1904. Цитирую по книге В. П. Бузескула, Введение в историю Греции, стр. 102—103.

риографии. Несомненно, что тенденция сблизить Фукидида с новейшей историографией находится в тесной связи с общим подходом к изучению истории древнего мира, с общей склонностью, господствовавшей в конце XIX — начале XX в., модернизировать античность.

Правда, уже в 1913 г. мы наблюдаем яркое проявление реакции против подобных взглядов. В своеобразной книге Cornford'a «Thucydides — mythhistoricus» автор резко возражает против всех этих аналогий, проводимых между Фукидидом и современной наукой, которая, как он считает, стоит недосягаемо высоко над примитивными и ненаучными попытками древности и проникнута совершенно иным мировоззрением. Все расположение материала, вся его обработка у Фукидида связаны с образцами художественного творчества его времени и прежде всего с трагедиями Эсхила. Понятию причины исторических событий у Фукидида надо искать аналогий не у историков новейшего времени, а у Геродота. Αίτια, это — не причина в современном смысле слова, но лишь вина отдельного лица или народа, послужившая поводом к войне. Фукидид, как указывает Корнфорд, использует в своем объяснении исторических событий представления, характерные для греческой трагедии (Ἔλπις, Надежда и др.). Если Фукидиду чужда идея вмешательства богов в историю, то все же у него Афины идут навстречу гибели, увлекаемые непреодолимой силой, будет ли это слепая Ἔλπις или обольстительная Надежда. Книга Корнфорда вызвала довольно суровый отзыв у такого прекрасного знатока классической Греции, как Бузескул, обвинявший автора в необоснованных преувеличениях, и не отразилась заметным образом на западноевропейской историографии. Между тем в ней много верных наблюдений, хотя, несомненно, автор до крайности преувеличил высоту уровня, на котором якобы стоит современная буржуазная историческая наука.

В каком же направлении работала мысль исследователей в дальнейшем? Можно было бы прежде всего указать, что большое число новых работ посвящено в значительной мере проблеме генезиса и композиции труда Фукидида. Крайнюю позицию в этих вопросах занял E. Schwartz в своей работе 1919 г. «Geschichtswerk des Thucydides». Исходя из сравнительного анализа документального материала и соответствующих текстов Фукидида, Шварц приходит к сокрушительным выводам о том, что перед нами не только не оконченное, но и не обработанное автором произведение. В этом произведении мы находим совершенно несовместимые один с другим взгляды на исторические события; части, механически соединенные рукой издателя, который вносил еще и от себя дополнения в текст книги и тем еще больше способствовал общему впечатлению сумбурности и противоречивости изложения.

Шварц считает возможным не только отличить противоречия и изменения в изложении самого Фукидида от добавлений издателя, но и объяснить, как и в каком порядке работал Фукидид, что он оставил в незаконченной, не удобной для чтения форме, под влиянием каких событий он вносил изменения в ту или иную главу, что он вычеркивал, как исправлял и пр. Весь труд Фукидида представляется автору конгломератом незаконченных набросков, что он объясняет в значительной мере пьететом издателя, который стремился сохранить все попавшие в его руки противоречивые эскизы. Фукидид еще не осуществил своего первоначального плана — описания десятилетней войны, — когда разразилась катастрофа в Сицилии, и он должен был этот план коренным образом изменить (ук. соч., стр. 227).

Историю десятилетней войны Фукидид так и не довел до конца. Задача исследователя, по мнению Шварца, и заключается в том, чтобы обнаружить в произведении Фукидида, представляющем своего рода мозаику совершенно различных частей (ein unvollkommenes Flickwerk), швы (die Fugen), которые их скрепляют.

Читая книгу Шварца, невольно вспоминаешь историю гомеровского вопроса, когда «Илиаду» или «Одиссею» расщепляли на мелкие части и многие (главным образом немецкие) ученые очень уверенно, подробно и точно устанавливали, каким образом какая часть была соединена с другой. Если следует согласиться с утверждением Шварца (стр. 18) о необходимости подходить с исторической, а не с филологической точки зрения к Фукидиду, устанавливать связь его труда с историческими событиями

его времени, то надо все же признать, что Шварц понимает эту задачу односторонне и недостаточно. Односторонность заключается в том, что оставляется почти без внимания внутренняя история Афин периода Пелопоннесской войны, недостаточность — в том, что автор касается в своем исследовании не всего труда Фукидида в целом, а лишь отдельных глав, не затрагивая своим анализом другие, не менее важные (общие суждения Фукидида о междоусобной войне (III, 82 сл.), мелийский диалог (V, 85 сл.) и др.). Таким образом, ряд основных вопросов, с решением которых необходимо должно быть связано и суждение о генезисе произведения, остается без рассмотрения. Ведь при этом нельзя ограничиваться разбором отдельных мест, не сопоставляя их содержания со всей историко-философской концепцией Фукидида, а характеристики последней мы у Шварца не находим. Гипотеза относительно деятельности издателя — а этой гипотезой Шварц пользуется очень широко, — не представляется во многих случаях убедительной, а самые противоречия в тексте, устанавливаемые им, кажутся нередко преувеличенными. Последующие исследования текста, наоборот, показали замечательное единство плана и тесную взаимную связь отдельных частей (в частности, речей) в произведении Фукидида. Наконец, нельзя не отметить узости политических взглядов Шварца и неверного понимания им мировоззрения Фукидида. По его мнению, для Фукидида в каждом государстве существенной была сила этого государства (*die Macht*). Работа мысли автора «Истории Пелопоннесской войны» шла якобы только в этом направлении. Он строжайшим образом исключает моральные масштабы в характеристике исторических явлений. Для Фукидида вопрос о внутреннем устройстве государства, по утверждению Шварца, как и для Макиавелли, никогда не стоял в центре его интересов. Решающим для него являлись успехи полководца и государственного деятеля и энергия державной политики (*Reichspolitik*). Высоко ценя Периклову демократию, он мог бы якобы примириться и с олигархами и с «панэллинской тиранией» Алкивиада.

Самые эти формулировки показывают, насколько далек Шварц от истины, приписывая Фукидиду столь любезную немецким историкам теорию «силы» и делая его поклонником успеха вне связи с принципиальной стороной дела. Возникает вопрос, в чем же отличие Фукидида, например, от Клеона, которому первый дает, как известно, такую резко отрицательную оценку: «Клеон, — как говорит Шварц, — фанатик волеизъявления государственной силы» (*Fanatiker des staatlichen Machtwillens*). Ясчитал нужным остановиться на работе Шварца потому, что она является образцом наиболее далеко идущей критики целостности труда Фукидида, и потому, что ее влияние так или иначе сильно чувствуется еще и в современной историографии.

Проблема композиции труда Фукидида за последние 30 лет решалась по-иному. Против выводов Шварца высказались и многие исследователи, возражавшие ему под свежим впечатлением от его труда, и авторы работ последних лет, которые, идя в изучении Фукидида разными путями, в общем все же приводили новые доказательства единства его плана и метода. Борьба между унитаристами и генетистами продолжается, хотя и не в таких крайних выражениях, как у Э. Мейера или Шварца.

Нельзя думать, однако, что интересы исследователей сосредоточивались исключительно на проблеме композиции «Истории Пелопоннесской войны». Многие из ученых, не упуская из виду этого несомненно существенного вопроса, подходили к Фукидиду с иной, более широкой точки зрения. В этом отношении своеобразное место в литературе о Фукидиде занимает исследование Grundy «Thucydides and the History of his age», 1911, Шварц с некоторым пренебрежением говорит о нем, указывая, что в вопросе о композиции «Истории» Гранди дал в общем компилятивную сводку материала, подробно разобрав существующие взгляды, но не выдвинул оригинального решения. И действительно, в этом вопросе Гранди вскоре опередили исследования других ученых. Но и не в этом заключается главное значение его работы. Достаточно взглянуть на оглавление его объемистой книги, чтобы убедиться, что нечто другое составляет главный предмет внимания автора. Основные части работы посвящены изучению «экономического фона» греческой истории (ч. III) и проблемам военной истории (ч. IV и V), причем то и другое рассматривается в тесной взаимной связи; автора за-

нимают общие вопросы, позволяющие глубже заглянуть в жизнь Греции V в.: снабжение Греции продовольствием, применение рабского труда, экономическое положение классов в Аттике, различный характер войска (гражданского, профессионального, наемного), экономические и политические причины войны и проч. И нужно сказать, что в области экономической истории Пелопоннесской войны Грэнди пошел дальше, чем многие другие исследователи, и, в частности, Шварцу было бы поучительно в свое время приглядеться к результатам его исследования. Грэнди обращает внимание на затруднения, которые испытывали греческие государства в экономической сфере. Эти государства постоянно нуждались в хлебе, и к концу V в. затруднения этого рода возросли в громадной степени. Греция V в. «находилась на краю экономической пропасти» (стр. 92) «Голодная нация» (the hungry nation) стояла перед альтернативой: установить свое господство или погибнуть. Достоинством работы Грэнди является также его рассуждения о значении рабства. Рост процветания в Аттике VI—V вв., по его мнению, шел параллельно с развитием рабовладения, которое необходимо должно было оказаться губительным для свободного труда и тяжело отразилось на положении среднего и низшего классов населения. За политической борьбой, за столкновениями олигархов и демократов он ищет социально-экономическую основу этой борьбы — социальные противоречия и разрушение благосостояния широкой массы населения, которое боролось за право на жизнь. Он с иронией говорит об историках-идеалистах, которые восхищаются блестящей картиной афинского государственного строя «золотого века» Перикла, не отдавая себе отчета в том, что представляла собой экономическая политика Перикла, перед какими трудными задачами пропитания и устройства массы неимущего люда стоял знаменитый деятель Афин. Определение основной причины войны у Фукидида — страх лакедемонян перед возросшим могуществом афинян — Грэнди истолковывает в связи с опасностью, которая угрожала Спарте и другим пелопоннесским государствам вследствие господства Афин на море: быть отрезанными от главных центров импортного хлеба — Боспорского царства и Сицилии.

В целом автор дает не какую-то неподвижную систему отношений, но рассматривает эти отношения в их историческом развитии. Это не значит, однако, что выводы автора могут нас удовлетворить. Грэнди отдал полную дань модернизаторским воззрениям¹. Он не только пользуется категориями капиталистического общества («капитал», «пролетариат» и пр.), но даже полагает, что при господстве ультрадемократов Афины были гораздо более социалистическим или коммунистическим государством, чем государством торговым. Надо прибавить, что он считает крайних демократов пылкими империалистами как в теории, так и по их методам. Взгляд Грэнди на V и IV вв. неправилен: настойчиво указывая на хозяйственный кризис V в., он почему-то думает, что в следующем столетии этот кризис смягчается, устанавливается известное равновесие между рабским и свободным трудом, хотя этот вывод не имеет никакой опоры в источниках. Таким образом, значение исследования Грэнди — скорее в постановке ряда исторически важных вопросов, чем в успешном их разрешении.

В работе Cochrane «Thucydides and the science of History», 1929, автор стремится главным образом охарактеризовать Фукидида как историка, выяснить его позицию в умственной жизни времени. Кохрэн возражает Корнфорду (см. выше), сближавшему концепцию Фукидида с мифологическими и поэтическими представлениями, противопоставившему эту концепцию идее закономерности исторических явлений в современной науке. Кохрэн видит в авторе «Истории Пелопоннесской войны» истинного сына века просвещения, мыслителя, выросшего в рационалистической и гуманистической атмосфере эпохи Анаксагора и Протагора. Фукидид — ученый, находившийся под сильным влиянием успехов современного ему естествознания. Его взгляды на историю человеческого общества связаны с идеями Гиппократовской школы, а общим философским

¹ В 1948 г. вышло второе издание книги Грэнди в двух томах. Оно уже не могло, однако, быть использовано для настоящего обзора. Следует отметить, что в новом 2-м томе автор склонен проводить поверхностные сближения событий древней и новейшей истории.

фоном для него являлась философия Демокрита. Труд Фукидида, по мнению Кохрейна, это — попытка применить методы греческой биологии и медицины V в. к изучению социальной жизни. Только материализм Демокрита помог Гиппократу определить сферу этих наук, отделить их от философии и религии. Предмет изучения Гиппократа — человеческая природа, задача исследования — установление причинных зависимостей, что обуславливает и возможность прогноза.

Терминология Фукидида совпадает в основном с терминологией школы Гиппократа (*πρόφασις, κατάστασις, τεκμήρια, σημεῖα*, и пр.). Интерес Фукидида к природным явлениям не случаен, не случайно и то, что мы находим у него такое подробное и образцовое описание «чумы» в Афинах. Фукидид — не «чудо», не изолированный феномен в истории античной мысли, но гениальный мыслитель, использовавший достижения современного ему естественно-научного знания, применивший их к анализу человеческой жизни, создатель научной истории. Фукидид стремился понять и объяснить сложные исторические явления, исходя из представления о постоянстве человеческой природы и об ее взаимодействии с разнообразными внешними условиями.

Речи у Фукидида — это средство разобраться в многообразных явлениях, выйти за пределы простой констатации фактов, прийти к общим выводам. В обществе, как и в отдельном организме, могут развиваться болезненные симптомы, болезнь может усилиться и привести к кризису: общему взрыву анархии и деморализации (С о с h г., ук. соч., стр. 28). Объективизм Фукидида связан с тем, что историк, подобно естествоиспытателю, ограничивается изучением явлений и прогнозом, воздерживаясь от попыток конструирования, которыми занимается политическая философия.

Кохрэйн противопоставляет Фукидида и Платона как представителей двух типов мышления, двух методов: научного и философского. Его симпатии на стороне историка. От Платона, от политической философии он ведет стремление оправдать господство немногих над большинством путем теории природного превосходства этого меньшинства, тогда как наука была готова признать права умеренной демократии на представительство интересов и власти коллектива.

Кохрэйн прав, указывая на взаимодействие историографии и других отраслей греческой науки. Несомненно связь между представлениями Фукидида о «человеческой природе», которые играют такую огромную роль в его исторической концепции, и понятиями школы Гиппократа. Нельзя также не признать сильного влияния материализма Демокрита не только на развитие естественных наук, но и на успехи науки об обществе. Однако, несмотря на ряд интересных наблюдений, книга Кохрейна не дает полного и верного образа греческого историка и правильной характеристики общественной и политической обстановки, в которой Фукидид создавал свой монументальный труд.

Как выглядят Перикловы Афины в изображении Кохрейна? Афины V в. — это образец либерального строя, режима свободы, при котором государство действует лишь убеждением (стр. 43). Руководитель этого государства, Перикл, в своей теории терпимости (имеется в виду «Надгробная речь») достиг уровня идей Дж. Стюарта Милля! Перикл выдвинул проект государства, основанного на индивидуалистических и либеральных принципах. Положение женщин и рабов в Аттике не мешает Кохрэйну признать, что Афины — государство, в котором царил дух свободы и равенства (стр. 98): бесправие женщины, по его мнению, соответствовало ее небольшой роли в то время, а относительно рабов он утверждает, что число их было невелико и что они работали рука об руку со свободными, хотя, по признанию самого автора, условия их труда в Лаврийских рудниках были ужасны. Кохрэйн ссылается на слова Платона о том, что даже ослы в Афинах свободно испускали крик в атмосфере равенства и свободы (стр. 98), и на известное место в Псевдо-Ксенофоновой «Афинской политике», постоянно используемое в буржуазной историографии, о вольности метеков и рабов в Афинах. Все эти ссылки на свидетельства ожесточенных врагов афинской демократии несколько не убедительны, но они характеризуют позицию Кохрейна в этом вопросе. Это — позиция многих западноевропейских исследователей, изображающих Афины как маленькую буржуазную демократическую республику и стремящихся затушевать разницу в положении свободных и рабов.

Положения, развиваемые Кохрэйном, находятся в непосредственной связи и с его общей теорией государства, сущность которого он усматривает в том, что оно примиряет различные интересы, расширяет сферу общих интересов, реализует их, устанавливает *consordiam civium* (слова Августина, цит. на стр. 45). Свое понимание государства как носителя идеи «примирения и гармонии» автор отождествляет со взглядами Фукидида по этому вопросу.

Заметив, что борьба партий в Афинах имела глубокие основания, Кохрэйи спешит заявить, что он ни в какой мере не является сторонником теории Маркса. Впрочем, его замечания по этому поводу не заслуживают критики, так как свидетельствуют о полном непонимании этой теории (стр. 86).

Продветание и упадок Афин получают обычное в буржуазной литературе объяснение. Первое обуславливалось тем, что Перикл правил твердо и в то же время в духе свободы и что при нем сохранялся мир между классами. Позднее вожди покидают правила «здоровой политики», развивается охлократия, нарушается *entente cordiale* между классами и появляется уродливый лик *στάσις* — гражданской войны. В своих общих суждениях Кохрэйи, таким образом, идет по проторенной дороге буржуазной историографии.

Нельзя согласиться и с философскими выводами автора. Кохрэйи признает Фукидида «истинно научным историком» и приписывает ему, подобно политической теории, и свои собственные воззрения на задачи «научной» истории. Эти воззрения характеризуются тем, что автор стремится избежать «трудностей» идеализма или материализма в объяснении исторических явлений. Основной принцип, который, по его мнению, был выдвинут еще Гиппократом и Фукидидом, — понятие о связи человеческих действий с условиями окружающей среды, — находит в его книге лишь одностороннее и идеалистическое применение: устанавливая связь Фукидида с духовной атмосферой его времени, автор не идет дальше этого, не ставит вопроса о «детерминизме» по отношению к этой среде и к самому историку.

Трехтомный труд W. Jaeger'a «*Paideia: The ideals of Greek culture*», vol. I—III, 1943—1945, представляет собою попытку дать широкое обобщение в области истории греческой культуры. Расширяя понятие *paideia*, автор включает в него самые разнообразные явления культурной жизни древней Греции. В конце I тома его книги мы находим главу о Фукидиде. Мысль, что Фукидид — создатель политической истории, является основным положением автора. Афины в конце V в. переживали кризис. Естественно встал вопрос об исторической неизбежности последнего. «Историография не стала политической, но политическое мышление стало историческим». Фукидида нельзя, по мнению Йегера, приравнивать к историкам новейшего времени. Фукидида сделала историком война. Он историк современности, и его экскурсы в прошлое нужны ему лишь для объяснения настоящего. Центральная проблема у Фукидида, это — проблема государства, власти. Техника, знания, экономика и культура интересуют его лишь как условия развития власти. Сущность власти — в обладании крупными денежными ресурсами, обширной территорией, сильным флотом. История Греции, это — история соперничества между двумя различными системами власти (Спарта и Афины). Фукидид перенес объективный научный подход к изучению природы, который был у ионийских ученых, на изучение политической борьбы своего времени, термины и понятия Косской медицинской школы — в историю своего времени.

В идее повторения исторических событий в результате неизменности человеческой природы опять-таки сказывается в Фукидиде не историк, но политик, исходивший из мысли, что одинаковые причины вызывают одинаковые последствия. С годами Фукидид все больше и больше становился политическим философом; и в знаменитом описании гражданской войны в Греции он выступает не как моралист, но подобно врачу, изучающему симптомы болезни. Труд его вовсе не похож на трагедию, он не имеет целью внушить ужас и сострадание. Основная мысль Фукидида — это то, что под руководством Перикла афиняне выиграли бы войну.

Работа Йегера в целом, а также и глава о Фукидиде представляют собою образец чисто идеалистического подхода к изучению истории. Те немногие общие ха-

рактики, которые считает необходимым дать автор (например, характеристика IV в. во II томе), ни в какой мере не помогают читателю ориентироваться в истории общества. В работе следует отметить один момент, представляющий известный интерес, хотя и не получающий в книге сколько-нибудь удовлетворительного объяснения. Это — идея связанности различных сторон культурного развития, представление о том, что история культуры не является их механической суммой. Иегер стремится и Фукидида поставить в связь с предшествующей греческой историографией. Однако, помимо общего соображения о связи с научным духом ионийской философии, почти ничего не дается. Дух жизни перикловых Афин — политическая активность. Казалось бы, этот тезис требовал от автора исследования конкретных условий политической жизни Афин и позиции Фукидида в борьбе партий. Однако автор отклоняется от этого пути и переходит к вопросу о связи политики и истории, ограничиваясь некоторыми общими соображениями.

Все основные проблемы, связанные с трудом Фукидида, вновь подверглись пересмотру в книге Finley «Thucydides». 1942. Жизнь и эволюция политических взглядов Фукидида, характеристика его эпохи, отношение Фукидида к главным направлениям современной ему мысли, план и композиция его труда, метод великого историка, его стиль и идеи, историческая концепция в целом и связь ее с историей его времени, — таковы главные вопросы, которые занимают автора.

Основные положения Финли сводятся к следующему. Фукидид жил в ту эпоху, когда в Греции происходил процесс политической консолидации: маленькие государства должны были подчиняться большим и войти в одну из империалистических систем, которые соперничали друг с другом. Образование этих крупных единств — Пелопоннесского и Делосского союзов — имело результатом, с одной стороны, быстрый материальный прогресс, с другой — усиление военного напряжения. Фукидид признавал, что присущее людям стремление к повышению материального уровня не может привести к цели иначе, как путем организации более широкого политического объединения, а это, в свою очередь, вызывает войны. В этом положении Финли усматривает основную идею Фукидида, с ним, по его мнению, связана у Фукидида возможность прогноза событий. Время Пелопоннесской войны, это — время военных конфликтов и социальных тревог, «подобных тем, которые узнали и мы». Происходит столкновение двух систем — передовой и отходящей в прошлое: на одной стороне — Афины, силы революционной демократии, материального прогресса и экономики, основанной на торговле, на другой — олигархическая, земледельческая, старомодная, архаическая Греция. Это столкновение составляет главное содержание труда Фукидида. Причина войны — нарушение прежнего равновесия в результате развертывания прогрессивных сил, освобожденных афинской демократией. Финли отмечает в «Истории Пелопоннесской войны» два момента: показ творческой революционной силы афинской демократии и, с другой, — ее упадка в результате развития внутренней борьбы, ожесточенного столкновения противоположных интересов. Эти две основные темы — величие и падение афинской демократии — по мнению Финли, касаются не только греческой истории, но затрагивают проблему всякой демократии.

Финли вовсе не склонен сближать чрезмерно взгляд Фукидида с мировоззрением Эсхила как это делал в свое время Корнфорд. Фукидид — сын века просвещения, науки, философии и софистики второй половины V в. Его интересует не только смена событий, но и их закономерность, повторение, постоянный элемент в многообразии исторической действительности. Человеческое поведение — это равнодействующая двух факторов, коренящихся в человеческой природе и в условиях окружающей обстановки. Такой натуралистический и даже механистический подход Фукидида обуславливает и возможность исторического прогноза: сходные условия и постоянство человеческой природы и в будущем вызовут повторение сходных событий.

История, по Фукидиду, — процесс взаимодействия индивидуальных и социальных сил, обладающих почти равной силой. Иррациональный исторический фактор это — *τύχη*, понятие, охватывающее то, что не может быть учтено. Изложение Фукидида отличается идеальной точностью и преимущественно фактическим характером.

Однако греческий историк далеко не ограничивается передачей фактов, но дает им не раз и яркое освещение. Финли — горячий сторонник теории увитариев в вопросе о композиции произведения Фукидида: глубокое единство этого произведения не подлежит сомнению. Это не означает того, что взгляды Фукидида оставались всегда неизменными. В молодости он жил в Афинах времени Перикла и не мог не испытать воздействия растущей мощи афинской демократии, политики и личности Перикла и всей духовной атмосферы демократических Афин. Однако Фукидид, еще более определенно, чем сам Перикл, впоследствии перешел от демократизма своей молодости к консервативным воззрениям зрелых лет.

Книга Финли выгодно отличается от работ Шварца или некоторых новейших авторов (например, Romilly, Kolbe и др.) более широким взглядом на задачи изучения Фукидида, более историческим подходом к решению этих задач. Труд Фукидида в его изложении представляется более содержательным и многосторонним. И тем не менее между всеми этими работами есть некоторое внутреннее сродство, обусловленное сходством приемов их авторов: некритическим сопоставлением или даже отождествлением явлений античного и нового времени, склонностью к общим, но туманным объяснениям в аспекте всемирно-исторического развития, вообще путавым, неправильным историческим методом. Характерно, например, рассуждение Финли в его полемике против Корнфорда (ук. соч., стр. 315). Финли протестует против идеи последнего о том, что в сицилийской экспедиции и вообще в экспансии Афин была заинтересована сильная клика купцов, которая и оказала решающее влияние на политику, увлекая ее на путь «капиталистического империализма». Согласно Финли, крупные торговые семьи вовсе не имели в Афинах преобладающего влияния; здесь он развивает свою «философию истории». По его мнению, есть периоды, когда «капиталистический империализм» является главной причиной войны, зато в другие периоды экономические силы выражаются в стремлениях масс к лучшим условиям жизни: массы приобретают политическое значение и выдвигают вождей, которые содействуют улучшению этих условий путем военной экспансии, — тогда следует война. Такая война имеет экономические причины, но эти причины действуют первоначально через вождей и их окружение, а не через частных капиталистов. Но в своей работе Финли, несомненно, модернизирует и греческую историю и Фукидида. Он не раз проводит параллели между событиями V в. и современностью, говорит о соревновании двух «империалистических» систем.

Так же как у большинства буржуазных историков, и в книге Финли отсутствует анализ социальных отношений, автор ограничивается указаниями на политическую и идеологическую обстановку и склонен давать туманные идеалистические объяснения, как, например, в характеристике конца V в.: «Это было время, когда яркие огни политического и философского творчества стали слабеть в народе и людей менее затрагивало настоящее, чем исследования прошлого».

К труду Фукидида подходили с различных точек зрения — изучали и историю его времени, и культурную атмосферу, творческий замысел, и композицию произведения, но особенный интерес — и это понятно — всегда возбуждали политическая история эпохи и политические идеи афинского историка. В период господства модернизаторского направления многие исследователи обращались к сопоставлениям великого кризиса Эллады в конце V в. с современными событиями. Уже во время первой мировой войны стали появляться статьи, посвященные сравнению этой войны, ее движущих сил, политических контрастов и методов борьбы с Пелопоннесской войной 431—404 гг.

Одним из ярких примеров ученых, которые в этом отношении «ничего не забыли и ничему не научились», является американский историк Лорд, автор книги под названием «Фукидид и мировая война»¹. По его мнению, Пелопоннесская война очень напоминает мировую войну — в единственном числе, так как все историки в 1939 г. поминутно замечают этот «современный Фукидид», что начавшаяся война представляет одно целое с войной 1914—1918 гг.

¹ L. E. Lord, *Thucydides and the World War*, 1945.

Автор усматривает поразительное сходство в группировке сил: прочное центральное ядро и сравнительно слабо связанный союз на другой стороне. Различие только в том, что теперь это ядро — сухопутное государство, а в древности — морская держава — Афины. В дальнейшем изложении автор не скупится на аналогии. Древняя Персия, которую он в начале называл античной Россией, позднее ему напоминает Соединенные Штаты, как государство, обладавшее неограниченными ресурсами, находившееся вне театра военных действий и сначала не вмешивавшееся в войну. Разумеется, контраст дорий и ионян сравнивается с противоположностью германского и британского характера. Подчинение Афинами союзников подобно установлению гитлеровской Германией «нового порядка». Медлительные спартанцы защищали свободу Эллады и поэтому, замечает Лорд, без усилия воображения могут рассматриваться как параллель британским народам (с оговоркой, что этот параллелизм относится только к внешней политике). Меллийский диалог, оказывается, был произнесен еще раз в Торонто, причем место Мелоса заняла Бельгия. Всюду автор видит сходства: в географическом положении, в темпераментах воюющих, в ходе событий. Лихорадочная дипломатическая деятельность летом 1914 г. подобна переговорам в Спарте и на Истме. Нападение фиванцев на Платей весной 431 г. подобно вторжению немцев в Бельгию в 1914 г. или даже событиям в Пирл-Харбор в 1941 г. Сицилийская кампания имеет параллель в вероломном нападении Германии на СССР и т. п.

Особенно забавны параллели между политическими деятелями Афин и Британии: Перикл-Никий-Клеон, — Асквит-Ллойд-Джордж-Болдуин-Чемберлен. Правда, уподобление Ллойд-Джорджа Периклу автор сопровождает некоторыми оговорками, но «почтенный и невежественный Болдуин» сравнивается уже без оговорок с «честным, религиозным и тупым» Никием. С серьезностью, усиливающей комическое впечатление, автор заявляет: «Я не хочу сказать, что Чемберлен во всем сходен с Клеоном: у Клеона были изрядная доля способностей и много энергии». Оправдание аналогии — в твердолобой политической позиции обоих. С другой стороны, позиция Никия у Сиракуз похожа на малодушное руководство «старца из Виши», а патриотическая идея Пэтена не выше, чем идея молодого эгогиста Алкивиада. Отношения Кира и Лисандра заставляют автора вспомнить о Рузвельте и Черчилле, хотя Рузвельт, прибавляет автор, и «никогда не отдавал свое частное имущество, чтобы помочь делу Черчилля». Сказанного достаточно, чтобы составить представление об «историческом методе» Лорда. Мерка, с которой подходит автор к историческим явлениям, ясна из его замечания о том, что афинские граждане наслаждались всеми преимуществами просвещенной демократии, что они были так же свободны, как граждане Британии или США, или из суждения об Индии, которая якобы может быть свободной лишь при условии, если эта свобода будет поддержана вооруженной силой Британии или Соединенных Штатов и Китая (конечно, гоминдановского). Скрытые опасения автора сказываются в следующей «параллели»: изображение гражданской войны у Фукидида (III, 82), это — картина того, что может случиться в Европе.

Книга Лорда принадлежит к тем легковесным, рассчитанным на дешевый эффект работам, которые во множестве появляются на Западе. Было бы преувеличением полагать, что в буржуазной историографии отсутствуют более серьезные труды о Фукидиде. Книга Финли, о которой говорилось выше, и заслуживающее обстоятельной рецензии новое исследование Romilly «Фукидид и афинский империализм»¹ и др. свидетельствуют о том, что их авторы изучили Фукидида и огромную литературу о нем. Но всем им присущи общие черты: склонность к модернизации античности, идеалистическое объяснение исторических явлений, недостаточный интерес к социальной истории Греции. Между тем только пристальное изучение этой истории во всем ее своеобразии поможет нам более полно и глубоко понять и великий труд автора «Истории Пелопоннесской войны».

К. К. Зельин

¹ J. de Romilly, Thucydide et l'impérialisme athénien, P., 1947.

E. CAVAINAC, Sparte, P., 1948, 232 стр.

Массовый читатель обычно знакомится с разными отраслями науки при помощи популярных очерков, предоставляя специалистам изучать монографические исследования. Научно-популярная литература, расходясь в более или менее значительном количестве, может принести большую пользу, но также способна причинить и значительный вред, насаждая представления, искажающие подлинное положение вещей. На последнем пути «преуспевает» научно-популярная литература в капиталистических странах, в том числе и в такой, казалось бы, на первый взгляд удаленной от современного мира, области, как античная история. С серьезным видом и внешней ученостью читателям преподносят искаженный, модернизированный облик древнего мира и на этом материале чернят передовое и возносят на щит реакционность и отсталость.

Так подошел к разрешению своей «задачи» «маститый» буржуазный историк Э. Кавеньяк в своей книге «Спарта», вышедшей в 1948 г. 20-м изданием в известной научно-популярной серии «Les grandes études historiques». Хотя тиражи, которыми выпускают во Франции книги, незначительны, тем не менее 20-е издание работы Кавеньяка показывает, что он угодил своим капиталистическим хозяевам. Кавеньяк начал свою научную карьеру около 50 лет назад и сразу проявил антидемократические взгляды. Он не любил Афины, народную массу называл чернью, канальями (!). В афинской демократии он усматривал анархию. Симпатии Кавеньяка, естественно, были на стороне Спарты. Такими были его взгляды в начале XX в. и «прогрессировали» в этом направлении и позже, что предопределило постоянные переиздания рецензируемого ниже очерка:

В предисловии Кавеньяк недаром пишет: «Я не считаю себя обязанным¹ слишком подробно останавливаться на тех фактах спартанской истории, которые в то же время являются фактами всеобщей истории» (стр. 7). Он направил свои усилия на те стороны спартанской истории, которые, по его мнению, не всегда объясняются так, как должно, а именно: «на военную организацию, которая была оригинальностью Спарты, и на учреждение Пелопоннесского союза, обеспечившие ему место в мировой истории, на полную перемену структуры спартанского государства, явившуюся результатом потери сперва Мессении, затем Элевтеролаконики» (стр. 8).

Книга состоит из семи глав. Глава первая посвящена древнейшей Спарте до завоевания ею Мессении. Здесь Кавеньяка интересуют не экономика и социальные отношения этого периода, а прежде всего пантеон, праздники и календарь. После такого важного, с точки зрения автора, вступления (ведь он в предисловии обещал останавливаться только на самом главном!) начинается основная часть книги. Глава вторая описывает спартанское общество в VI в. до н. э.; третья посвящена Пелопоннесскому союзу, четвертая — конфликту с Афинами, закончившемуся Пелопоннесской войной; пятая глава названа «Апогей и падение Спарты». В ней излагается спартанская история первой половины IV в. до н. э. Наконец, две последние главы посвящены истории Спарты в эллинистическую и римскую эпохи.

Автор начинает с географического и статистического описания Лаконии и Мессении. Много внимания уделяет он описанию фаланги и всей военной организации Спарты. При этом производятся многочисленные статистические выкладки о численности спартиатов, в основе которых лежат малодостоверные цифровые данные, приводимые Геродотом и другими античными авторами. В результате — обилие цифр, не нужных в научно-популярном очерке, цифр сомнительных, но своим изобилием придающих наукообразную значимость рассуждениям Кавеньяка и отвлекающих внимание читателя от основной проблемы: социально-экономической и политической характеристики спартанского общества и государства. Она, разумеется, положительна. Спартиаты занимаются военным делом, илоты работают и делят пополам со своими хозяевами-спартиатами доходы с обрабатываемых ими земельных участков-клеров (стр. 21). И те и другие имеют большие семьи и живут небогато. Спартиаты, правда, завоеватели и находятся в привилегированном положении, но об этом Кавеньяк упоминает бегло, явно избегая уточнить экономическое и социальное положение илотов. Положение